

Секция «Журналистика»

Трагедия «Гамлет» в английской журнальной критике эпохи романтизма

Дакина Юлия Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, журналистики,

Москва, Россия

E-mail: juillet@gmail.com

Прослеживая историю интерпретации шекспировского «Гамлета», автор доклада обращается к анализу литературно-театральной периодики эпохи. Журнальные статьи дополняют поле научных интерпретаций популярными трактовками пьесы, что позволяет обрисовать контекст, не только формировавшийся усилиями авторитетных шекспироведов, но также неизбежно оказывавший влияние на их суждения о творчестве драматурга. Использование публикаций периодических изданий позволяет представить процесс критического осмысления пьесы как непрерывно меняющийся поток, вычленив в нем элементы литературоведческой дискуссии.

Неудивительно, что среди журнальных выступлений, посвященных «Гамлету», в первой трети XIX столетия большую долю занимают публикации, исповедующие романтический подход к критике данного произведения. Конечно, публицисты не развивают конкретных идей С. Т. Колриджа, например, о гипертрофированном воображении Гамлета, которое открывает протагонисту путь в высшие сферы [5], недоступные обыденному сознанию, однако они рассуждают в рамках новой исследовательской парадигмы. В их понимании сюжет пьесы складывается уже не из компонентов внешней интриги, а скорее из фактов внутренней жизни Гамлета. Как следствие, анализ драматургического целого трагедии замещается анализом характера протагониста. В журнальной критике восприятие Гамлета как живого человека, абсолютизация значения этого характера приобретает подчас радикальные формы. «Это единственная пьеса, которая существует почти целиком благодаря характеру одного-единственного человека. Кто когда-либо знал гамлета в повседневной жизни? И при этом кто же, при всей идеальности данного характера, не ощущает его принадлежность к реальности?», - пишет Джон Уилсон [Wilson, J. 1818, p. 510]. В 1828 году Хартли Колридж приглашает своих читателей «на мгновение забыть о Шекспире и подумать о Гамлете, как о реально существовавшем человеке, как о знакомом, который недавно скончался» [Coleridge, H. 1828, p. 585]. Такой подход оказался удивительно долговечным. Даже Э.С. Брэдли, который на рубеже XIX и XX вв. декларировал переход к научному осмыслению шекспировской драмы взамен «психологического», сам все еще был склонен воспринимать Гамлета так, как если бы принц датский мог жить собственной жизнью, вне трагедийного сюжета [1]. В XX веке критика характеров открывает новую сферу – к литературным «психологам» присоединяются психоаналитики (см. разбор «Гамлета» З. Фрейдом (1900), работы Э. Джонса (1910, 1923 и 1949)).

Однако помимо романтических представлений, журнальные публицисты еще продолжают оперировать идеями, унаследованными от классицистов, – это, в первую очередь, критика трагедии как продукта непросвещенной эпохи, произведения, которому недостает порядка, изящества и гармонии. «После появления Призрака ... действие развивается вяло; остальное – неподвижно, случайно, бесполезно. Для чего нужен Фор-

тинбрас в истории узурпации власти, или в сюжете отмщения, или в любой другой части интриги? Точно так же Офелия или Полоний не двигают сюжет и не способствуют усилению интереса. <...> Тому есть простое объяснение: Шекспир был великий гений, однако не имел художественного мастерства» [New Monthly Magazine, 1830, p. 329-330]. Это типичные замечания классицистов: несогласованность композиции, несоблюдение единства действия, неспособность выдержать трагическую тональность, включение в сюжет персонажей в вульгарном вкусе (см. т.ж. The Edinburgh Review, 1811; The Monthly Magazine, 1812).

Критики эпохи классицизма также обнаруживали в тексте подробности, способные оскорбить нравственность читателя или зрителя. Недовольство комментаторов вызывало грубое обращение Гамлета с Офелией во время свидания в галерее (Hamlet, III; 1), его недостаточно участливое отношение к смерти возлюбленной, чрезмерная жестокость принца в сцене, когда он откладывает убийство Клавдия до более удобного момента – когда тот не будет молиться (Hamlet, III; 3). Беспокойство также вызывали: присутствие в тексте нескромных песен, которые Офелия поет, утратив рассудок (Hamlet, IV; 5); очевидная способность девушки понимать произносимые Гамлетом непристойности во время сцены мышеловки (Hamlet, III; 2). Озабоченность присутствием в трагедии данных эпизодов сохранялась на протяжении всего XIX столетия, так как на смену требованиям классицистической эстетики пришло романтическое стремление к идеализации Шекспира и его творений, а затем – строгая викторианская мораль, которая также стремилась очистить шекспировский текст от всего двусмысленного и «неприличного» [11].

Литература

1. Bradley, A.C. Shakespearean Tragedy. London, 1904.
2. Byron and Shelley on the Character of Hamlet // New Monthly Magazine, Oct. 1830. V. 29.
3. Carlyle, T. Review of 'Goethe Werke' // Foreign Quarterly Review, Aug. 1832. V. 10.
4. Coleridge, H. On the Character of Hamlet // Blackwood's Edinburgh magazine, Nov. 1828. V. 24.
5. Coleridge, S.T. Lectures and Notes on Shakspeare and Other English Poets. London, 1904.
6. Critical Remarks on Shakespeare // The Monthly Magazine, Feb. 1812. V. 33.
7. Hazlitt, W. Hamlet // Lectures on the Literature of the Age of Elizabeth and Characters of Shakespear's Plays. London, 1900.
8. Hazlitt, W. Review of Schlegel's Lectures // Edinburgh Review, Feb. 1816. V. 26.
9. Jeffrey, F. The Dramatic Works of John Ford; with an Introduction and Explanatory Notes // Edinburgh Review, Aug. 1811. V. 18.

10. On Garric, and Acting; and the Plays of Shakspeare, considered with their reference to their fitness for Stage Representation // The Reflector, Jun. 1811, No. 4. V. 2.
11. Taylor, G. Reinventing Shakespeare: A Cultural History from the Restoration to the Present. London, 1989.
12. Wilson, J. Letters on Shakspeare. No. I. – On Hamlet // Blackwood's Edinburgh magazine, Feb. 1818. V. 2.